

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ XII - XVII ВЕКА

ИСТОРИЯ ГОРОДА В РИСУНКАХ ВЛАДИМИРА СЕМЕНОВА

МОСКВА И МОСКВИЧИ
24 открытки. Цена 1 руб. 29 коп.

Издательство «Изобразительное искусство». Москва, 1978
Художник В. Семенов. Автор текста А. Курдыкин. Редактор Г. Храмцова
Литературный редактор М. Абсаямова. Технический редактор Л. Простова
Изд. № 4-294. Подписано в печать 21 / XII-77 г. А11330
Тираж 150 000. Заказ 728. 2224311 С 80205-324 БЗ без объявл.
024(01)-78

© Издательство «Изобразительное искусство». Москва, 1978
Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Каждому из нас история видится по-разному. Для одного она — в цепочке фактов и дат, для другого заключена в папке со старыми гравюрами, для третьего — в исторических анекдотах, и все мы по-своему правы, потому что минувшее многообразно и многогранно. Многие из видений былого, проносящихся перед нами, будут так ярки, живы и красочны, что захочется «остановить мгновение», как это сделал московский художник Владимир Семенов, который не в первый раз обращается к излюбленной теме — историческому прошлому нашей Родины. Вы уже знакомы с серией его иллюстраций к «Слову о полку Игореве».

Серия открыток «Москва и москвичи» выходит тремя выпусками. В первом из них рассказывается о городе и его жителях в древние времена (XII—XVII века), когда Москва из безвестного поселения становится центром огромной державы — столицей всея Руси. С начала XVII века на добрых двести лет пальма первенства перейдет к детищу Петра, городу на Неве, но Москва не захиреет, и история ее не остановится. Об этом расскажет вторая подборка серии. Третий выпуск посвящен Москве, которую знают наши деды и отцы, Москве, которую знаем мы.

1. МОСКВА. XII ВЕК
2. НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ
3. КРЕМЛЬ БЕЛОКАМЕННЫЙ. XIV ВЕК
4. НА МАМАЯ
5. НА ПОСАДЕ. XV ВЕК
6. ФРОЛОВСКАЯ БАШНЯ. XV ВЕК
7. В ДОМЕ ГОРОЖАНИНА. XV ВЕК
8. В КИТАЙ-ГОРОДЕ. XVI ВЕК.
9. АНГЛИЙСКИЙ ДВОР. XVI ВЕК
10. НА ПУШЕЧНОМ ДВОРЕ. XVI ВЕК
11. У СТЕН БЕЛОГО ГОРОДА. СЕМИВЕРХАЯ БАШНЯ.
XVI ВЕК
12. СКОРОДОМ. НАРОДНОЕ ГУЛЯНЬЕ. XVI ВЕК
13. БАНЯ НА РЕКЕ НЕГЛИННОЙ. XVI ВЕК
14. НА МОСКОВСКОМ ПЕЧАТНОМ ДВОРЕ. XVI ВЕК
15. ЗАМОРСКИЕ ГОСТИ. XVI ВЕК
16. В ДОМЕ БОЯРИНА. XVI ВЕК.
17. ДВОРЕЦ В КОЛОМЕНСКОМ. XVII ВЕК
18. МОСКОВСКАЯ ШКОЛА. XVII ВЕК
19. МЕДНЫЙ БУНТ.
20. У ЧЕРТОЛЬСКИХ ВОРОТ. XVII ВЕК
21. СТРЕЛЕЦКАЯ СЛОБОДА. XVII ВЕК
22. НА СОКОЛИНОЙ ГОРЕ В СОКОЛЬНИКАХ. XVII ВЕК
23. ЦАРСКИЕ ТЕРЕМА. XVII ВЕК
24. КАМЕННЫЙ МОСТ. XVII ВЕК

Шумели когда-то на земле ростовской нетронутые дебри, звенели в березовых зарослях ручьи, бежали по оврагам к речке. В лесах водились лоси да медведи, зверя мелкого тоже хватало, а птицы всякой — так и не счесть. И жили по речным берегам славяне — вятичи, которые долго после Владимира, что Русь окрестил, еще верны были и старым поверьям и прадедовым обычаям. Пахали землю, охотились, устраивали на полянах игрища, женились, болели, умирали. Хотели обменять хлеб и меха на товары привозные — ехали в поселенье Москов, которое вдруг как-то выделилось из окружавших его селений и стало расти день ото дня. Место ли было удобное, боярин ли тамошний Кучка, что приехал сюда, другим не чета, люди ли особо работающие, так ли иначе, но богател московский посад, он же Кучково. Потом село забрал себе ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий. Стояла Москва уже верный век, когда обнес ее новыми дубовыми стенами князь Андрей Боголюбский. Но еще до того, как насыпали мужики вал, укрепив его крюками, не мала и не бедна была будущая столица и стены еще и до князя имела. Когда в 1147 году князю Юрию Долгорукому нужно было встретиться со своим союзником князем Святославом Ольговичем, приехали они оба именно сюда, на берег Москва-реки и был тут устроен «обед силен», и князья «возвесилилися вкупе». Это первое о Москве упоминание в летописях, и славится она с тех пор своим хлебосольством, да и не им одним.

Часто горели на Руси села, то займется по оплошности старушечьей, то запалит их рука недобрая. И никакая летопись о том не поведает. Другое дело город, Москва например. Пожар или другая какая беда случится — все летопись упомнит. Радости москвитам от этого, правда, мало, ибо, городом став, нажила себе Москва и врагов не в пример больше. Жжет ее в 1177 году князь рязанский Глеб — и посад и села все. В 1209 году напал на Москву Изяслав рязанский. В 1213 подступила рать Юрия Всеволодовича. Это пока от своих разорение, а со своими хоть договориться можно, и язык один, и вера, и одного роду-племени.

Но пришло из далекой Азии племя злое, хуже печенегов и половцев, всех огню и мечу предаст, и ни спасенья от него, ни пощады. Где уж тут было Москве уцелеть за своими деревянными стенами в тот 1238 год набатный, когда подошел к ним враг жестокий, и Китай и Хорезм подчинивши, когда уже рухнули в пламени города русские, не молодой Москве чета, старые, великие. Не открыли ворота врагу, решили драться, но города удержать не смогли. «Взяшо татарове Москву и воеводу убиша Филипа Нянка, а князя Владимира сына Юрьева руками яша, а людме избиша от старца до сущего младенца, и много имения взяше, отыдоша». Осталась от Москвы куча головешек, а от горожан — горстка малая, что в лесу попряталась.

Сгорела старая крепость дубовая в 1365 году, и стоит стольный град великокняжеский, куда уж и митрополит давным-давно из Владимира перебрался, без укреплений и без защиты. А до литовской границы рукой подать, и Рязань рядом, об Орде только подумаешь — она тут как тут. Решил князь Дмитрий Иванович со своими боярами, что пора бы уже Москву стенами снова обнести. Город задумали строить каменный, ожидали долгих войн с соседями, а камень дуба понадежнее. «Еже умыслиша, то и сотвориша». За 1367 год крепость была готова, всю Москву кольцом охватила, почти нынешних размеров достиг Кремль, не вошли в него только полоска берега по Неглинной да треугольник между воротами Спасскими и башнями Малой и Большой арсенальными. Башен этих тогда тоже не было среди тех восьми или десяти, что охранять стали с 1367 года белокаменную Москву.

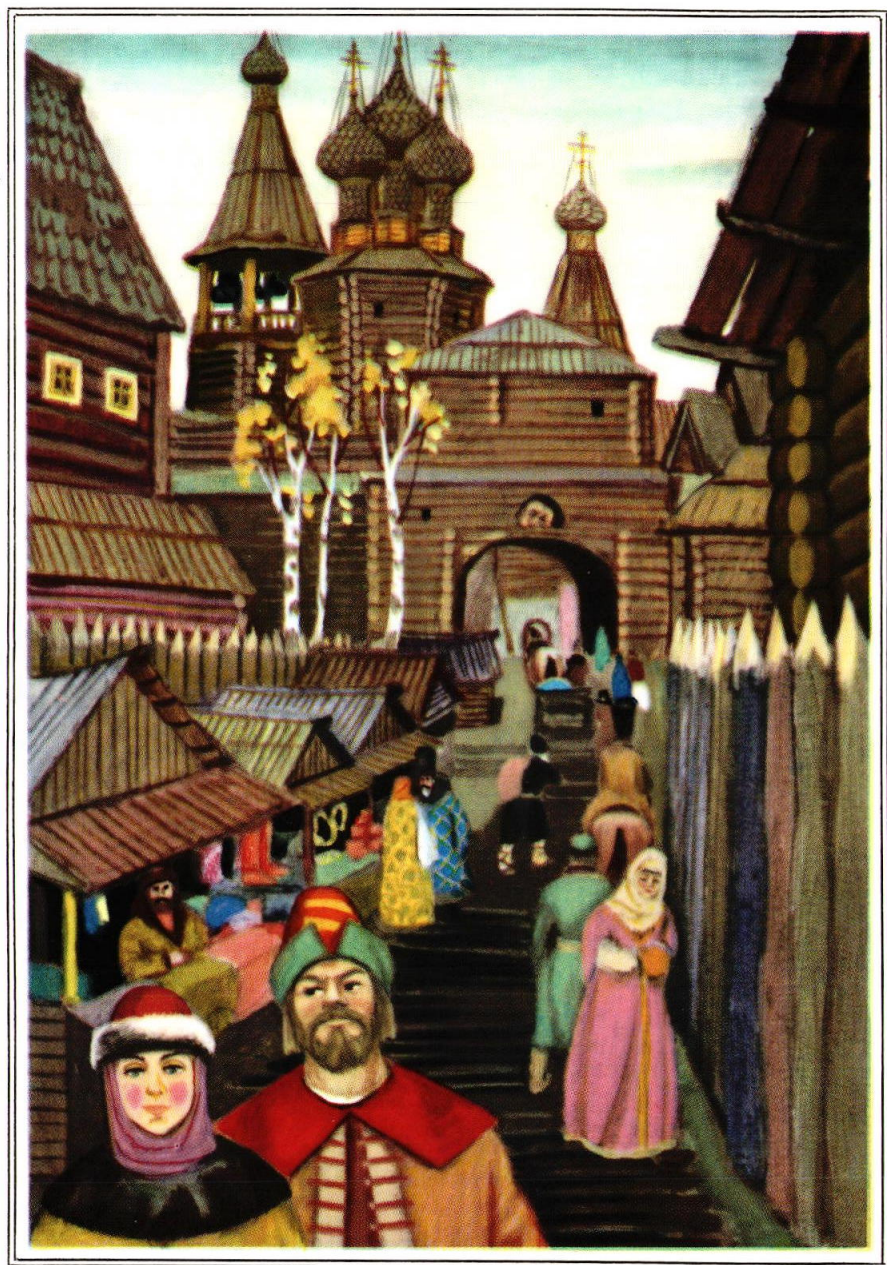
Пригодился тогда белый камень известняк, что везли окрестные мужики подводами из села Мягкова. Надежно прикрыли стены и жилища тысяч горожан, и княжеские хоромы, и двор митрополита, и Спаса на Бору, и Иоанна Предтечу, и Параскеву Пятницу, и соборы, которые еще Иван Калита поставил, словом, весь город от врагов закрыли. И сразу жить спокойнее стало. Не вошел в белокаменный Кремль Ольгерд литовский, что два раза на Москву ходил, да и татарам не взять бы Москвы с бою, если б не измена. Разграбил в 1382 году хан Тохтамыш столицу князя Дмитрия, все, что смог, огню предал. Много брешей в стенах городских залатать потом пришлось, где камнем, а где деревом. И сто лет простояла еще крепость.

Уже почти полтора века держалось татаро-монгольское иго, и конца края ему видно не было, когда править на Москве начал князь Дмитрий Иванович. Восставать восставали. Тверь, как один, в 1328 году поднялась, да пришла орда и усмирила непокорных. Москва с тех пор крепнуть начала, оттягала у Твери великое княжение. А как окрепла, сама разбила татар на реке Воже через полвека ровно после разгрома тверского. Ордынский хан Мамай решил урок тверской повторить, собрал сто тысяч воинов, вот-вот на Русь обрушится.

«Тогда, точно соколы, поднялись от золотых колодок, из града Москвы, возлетели под синие облака, возгремели своими золотыми колокольчиками, хотят напасть на многие стада лебединые. Это поднялись сыны русские с государем, с великим князем Дмитрием Ивановичем, хотят ехать на силу татарскую». Благословил их Сергей Радонежский, радетель дела русского, и двинулось войско из Москвы белокаменной на Коломну. Там рать огромная собралась со всей земли русской, только Олег, князь рязанский, не пошел со всеми, была ему старая вражда дороже Руси великой. Без него Мамай разбила на Куликовом поле у Дона (1380). Вернулся князь Дмитрий с теми, кто в сече уцелел, и церковь Всех святых на посаде заложить повелел там, откуда рать его выступила.

Есть и по сей день в столице нашей церковь, что на месте той, древней, стоит и прозывается на Кулишках. Кулишки же — это островки, что среди талых вод весною сухими остаются. В низине-то у Москвы-реки только там и можно было храм закладывать, чтоб его половодье не заливало.

Деньком погожим на улицах московских всегдалюдно было, и в XIV веке и в XV. Но в распутицу и в дождь без нужды да без дела со двора никто и не показывался. Даже в самом Кремле в ненастье монахи подворья Кирилловского из келий братских выходить боялись — грязь была непролазная. А на посаде и того чище — воз утонет, как его и не бывало. Но если бы только от одной грязи становились улицы Москвы опасными, это было бы еще полбеда. Пошаливали на посаде лихие люди, и голь грабила кабацкая, и слуги боярские. Челяди на дворах господских не счесть было, и все голодные да озлобленные добром чужим кормились. Чуть стемнеет, спешили прохожие по домам, запирались и псов спускали.

Но волей-неволей, а на улице показываться всем приходилось, чтобы по лавкам посадским походить или погулять выйти. Бояре да дворяне, те пешком не ходили, зазорным считали, не по сану, верхами ездили, а боярыни — в колымагах. Люд же простой пешим передвигался.

И красились же тогда женщины московские, чем больше намажутся, тем краше считаются, без сурьмы на улице и не появлялись, засмеять могли.

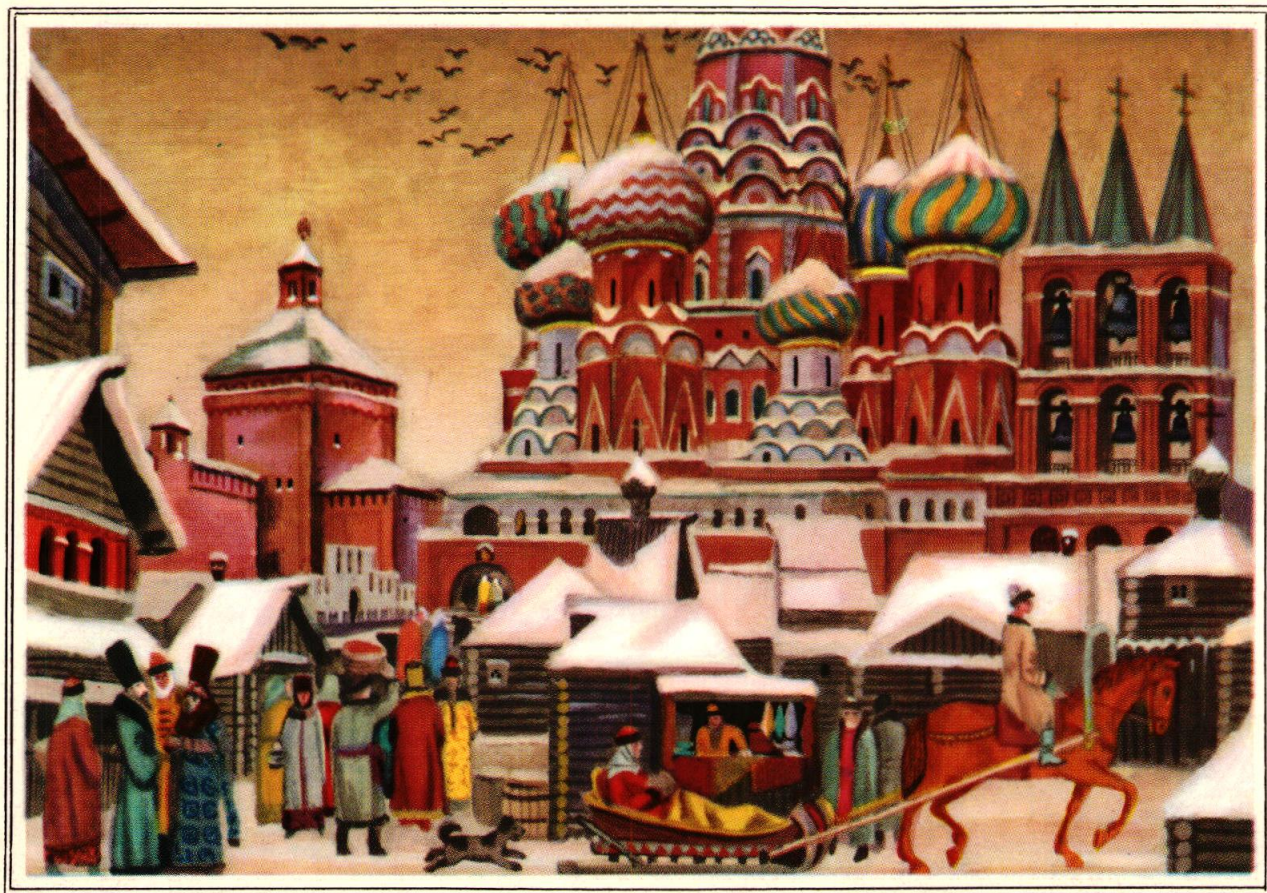
Вода, как известно, камень точит. Если же воде помогает ветер и огонь, то камню скоро придется худо. Начал поддаваться и московский известняк, из которого при князе Дмитрии Донском были сложены укрепления Кремля. Шли годы, ветшали стены, и вот наступило время, когда стало казаться, что вновь, как при Иване Калите, стоит над Москвой-рекой деревянная крепость — заплат дубовых стало больше, чем белого камня. Хочешь не хочешь, строй заново. Начали в 1485 году при великом князе Иване III, когда почти все княжения уже собрались под рукою Москвы, а у столицы вся Русь и крепость должна быть, какой отродясь никто не видел. Пригласили архитекторов из далекой Италии — Аристотеля Фиораванти, Марко Руффо и Алевиза Нового. За десять лет возвели стены и башни, по тем временам скоро, хоть и мастеров опытных было мало, да и денег нехватка — война с Литвою съедала.

Но построили, наконец, крепость, отрыли ров со стороны поля, где сейчас Красная площадь, и стал Кремль островом. Стерегут город восемнадцать башен с артиллерией, стережет гарнизон, стережет с Фроловской башни ездец с копьем, которого сам зодчий Ермолин еще изваял. Самая главная во всем Кремле была башня Фроловская, она же Спасская.

Простоит кирпичный Кремль еще многие века, а вот ров не уцелеет, и столет не пройдет, как высохнет, да так, что устроят на дне его казну пороховую.

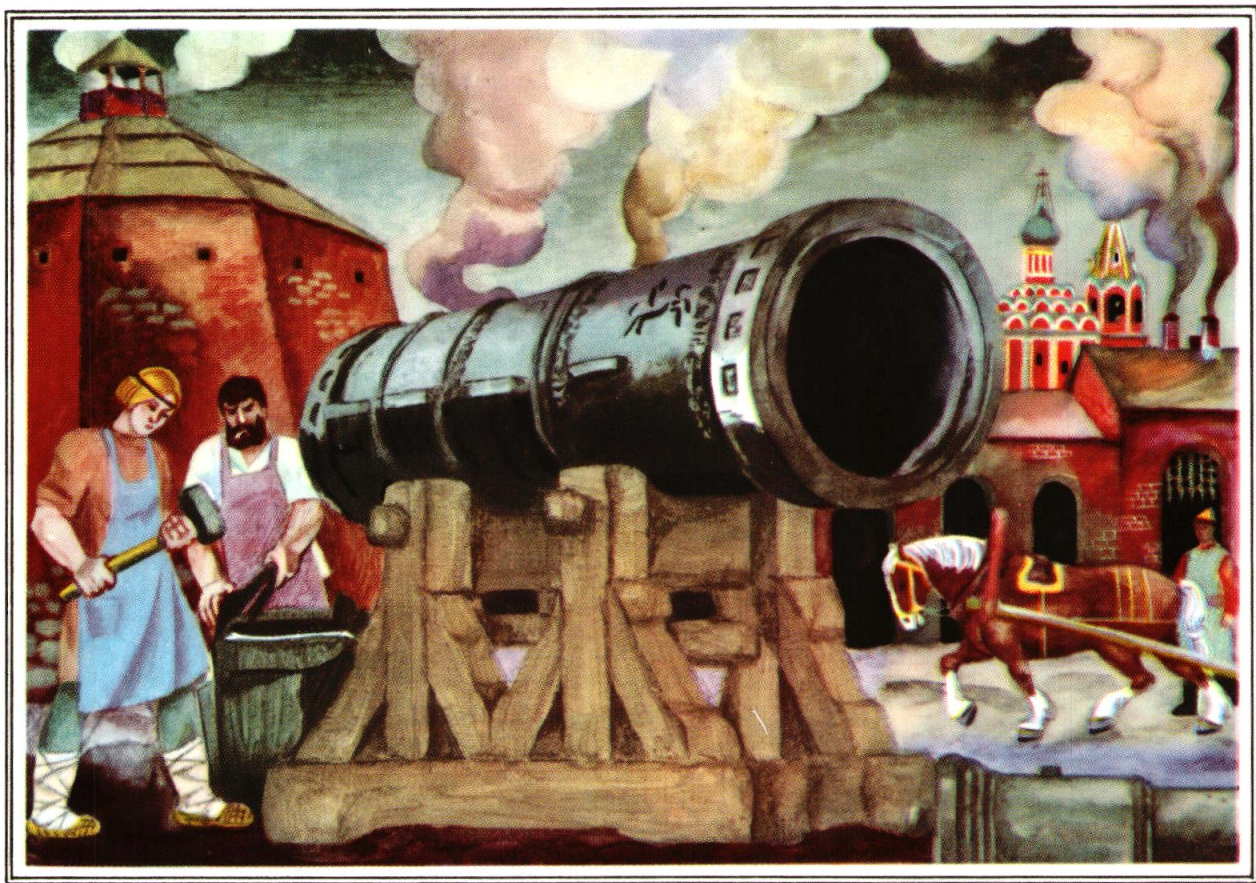
Как понадобится москвиту дом новый, поедет он за город на торг, поторгуется да целиком сруб и купит. Перевезет себе на посад и заживет в избе новой, сосновой. Если достаток невелик, то и домик с ноготок будет, в одну комнатку. Побогаче горожанин — и дом побольше, не в одну избу, а из двух составитсЯ, а то и из трех, но такие хоромины — не для простого люда. А о жилье каменном уж и говорить нечего, не нажить трудом праведным, совсем мало их в старой Москве высылось. У большинства же — коморка да клеть рядом, а вокруг какой никакой огород да садик за частоколом. Коморки же свои москвиты исстари по-черному отапливали и неудовольствия великого от этого не испытывали, попривыкли. «Горечи дымные не претерпев, тепла не видати». Чтобы горечи эти не ахти какими были, дома с умом ставили, повыше, дабы и для себя место было и для дыму. Постоит оный под потолком да в дымник и выйдет, а тепло в избе останется. Наверху у крыши сажи слой в палец, зато внизу чисто, как вчера избу ставили. Чисто да темно, больно скудно свет пропускают оконца узкие, пузырем затянутые. Вот и чадят в светцах железных лучины, коптят светильники масляные, проливают свет свой зыбкий и на младенца в колыбели, и на лавки по стенам, и на образ Николин. От свечей проку, вестимо, больше было бы, да дорогие свечи, ведь не у каждого же на огороде кубышка зарыта.

Всему городу известен был юродивый Василий, в народе Блаженным прозванный. И в зной и в стужу ходил он по Москве в рубище, гремя веригами, и все грехи людские обличал, о каре говорил близкой. Властителей мирских не боялся, жил подаянием, а как пришел его час, схоронили Василия Блаженного у церкви Троицы, что стояла над крутым обрывом к Москве-реке. Церковь в 1553 году сломали, когда каменных дел мастера Барма и Постник собор Покрова на рву ставить стали в память похода казанского. Семь лет стройка шла, а как разобрали леса, увидели все, что украсилась Москва храмом чудесным, не было во всей земле русской ему подобия. Простоял собор еще два десятилетия, и пристало к нему в народе имя юродивого, с тех пор он иначе уж и не зовется. Стоит храм Василия Блаженного на Красной площади, которая пока еще не Красной, а Пожаром зовется, а вокруг Великий посад шумит. Лавки, ряды торговые по всей площади, гам, крик. А народу! Кажется, полгорода сюда ко рву крепостному съехалось, не меньше. Тут уж не зазеваешься на расписные главки соборные — затолкают. А за собором надо рвом церквушки «на крови» в память о казненных здесь поставлены. И есть еще на площади место лобное, откуда в торжественные дни власть имущие к народу обращались: и бояре, и сам царь Иван, и цари, что после Ивана правили. Но снизу Лобное место не увидишь. Зато, как на ладони, башня Спасская да шатры и шалаши торговые.

Любили москвичи хоромы деревянные: и жить в них здоровее, и воздух суше, да и леса вокруг сколько угодно. Церкви каменные в Кремле с XIII века появились, стены крепостные в XIV веке из камня поставили, а жилье строили по старинке — деревянное, так что, начнись пожар, все дома огнем займутся. Не годится такое купцам английским, что обосновались и торговать начали на Руси с 1555 года. Пожаловал им царь в Москве возле церкви Максима за Торгом палаты каменные, двухэтажные. Один этаж жилой, а в другом — погреба да кладовые. Живут гости заморские, из Англии семьи выписали, товары свои тут же под боком хранят — так спокойнее. На десять тысяч добра лежит, шутка ли. Да сжег город в 1571 году хан крымский, и сгорели товары английские, хоть и крепки были палаты. Не опустела фактория, снова купцы приехали, жили да дом свой похваливали, «лучший на Москве», говорили. В смутном 1611 году подворье выгорело, одни стены остались. И пошли меняться у английского двора хозяева, всех и не упомнишь, и каждый норовил дом старый для себя перестроить да переделать поудобнее. И до того переделали, что уж и не узнать стало Английский двор, чуть было не канули палаты в Лету, да спасибо реставраторам — восстановили их для нас по образу и подобию древнему. Стоять теперь Английскому двору до скончания века на улице Варварке (теперь это улица Разина).

Много бед принес в княжество Московское 1382 год, когда увидел град белокаменный под своими стенами орду хана Тохтамыша. Стали жители «овии стрелами стреляху с заборал, овии камением шибяху на ни, друзии же тюфяки пушаху на ни». Стрелы да каменья всегда у московитов под рукой были, когда врага встречали, а вот тюфяки — пушки за новинку тогда считались. В Европе Западной они в начале XIV века появились, а вскоре и на Руси загремели. Проку от артиллерии поначалу большого не было, один гром, но и то уже хорошо, что врагам страшно становилось. Сварными из железных полос первые пушки делались, и хоть обручами потом крепились, крепостью стволы их не могли похвастать, да и калибром тоже.

А как начали стволы из бронзы целиком отливать, дело на лад пошло, все мощнее и дальнобойнее пушки становились. У пищали бронзовой, что отлил мастер Яков в 1483 году, калибр невелик еще — 2,6 дюйма, но сто лет пройдет, и у дробовика Андрея Чохова в 14 раз жерло больше станет. Для стрельбы дробом-картечью Царь-пушку изготовили на Пушечном дворе в Москве, где Чохов 64 года проработал. Нужный был мастер, без него, как без рук, — грозен был XVI век, да и XVII не спокойнее. То Москва идет на Казань и на Астрахань, то сама горит, подоженная врагом, то воюет царь Иван Ливонию, то отбиваются русские от интервентов.

Как тут без пушек обойтись? Вот и стучат молотками кузнецы на окраине города, на Пушечном дворе, тянет оттуда на всю Москву желтым дымом, засыпает пеплом. Терпят москвичи, не ропщут.

Теперь на том месте, где был когда-то государев Пушечный двор, универмаг «Детский мир» построен.

Когда являлась государю нужда в людях военных, повелевал он им прибыть «конно, людно и оружно» на Москву службу нести ратную. А как приедут служилые, им тут новый приказ выйдет, на супостата какого собираться или же здесь в стольном граде пребывать до поры до времени, крепость дозорами охранять, за стенами города Белого обходить. А в окрестностях тех было издавна урочище Чертольское (теперь здесь бассейн «Москва»).

На грани XVI и XVII веков, когда Федор Конь построил кирпичные укрепления, до 1780 года окружавшие по линии теперешних бульваров московские посады, высилась в Чертолье башня мощная, семиверхая. Стояла она с семью шатрами на крыше, охраняла город со стороны брода крымского, по которому переходили Москву-реку отряды татар-крымцев. Подойдут они к городу, загремят со стен пушки, и не подступиться к твердыне. Хан крымкий Казы Гирей бежит от Москвы опроретью, одной пальбы убоявшись.

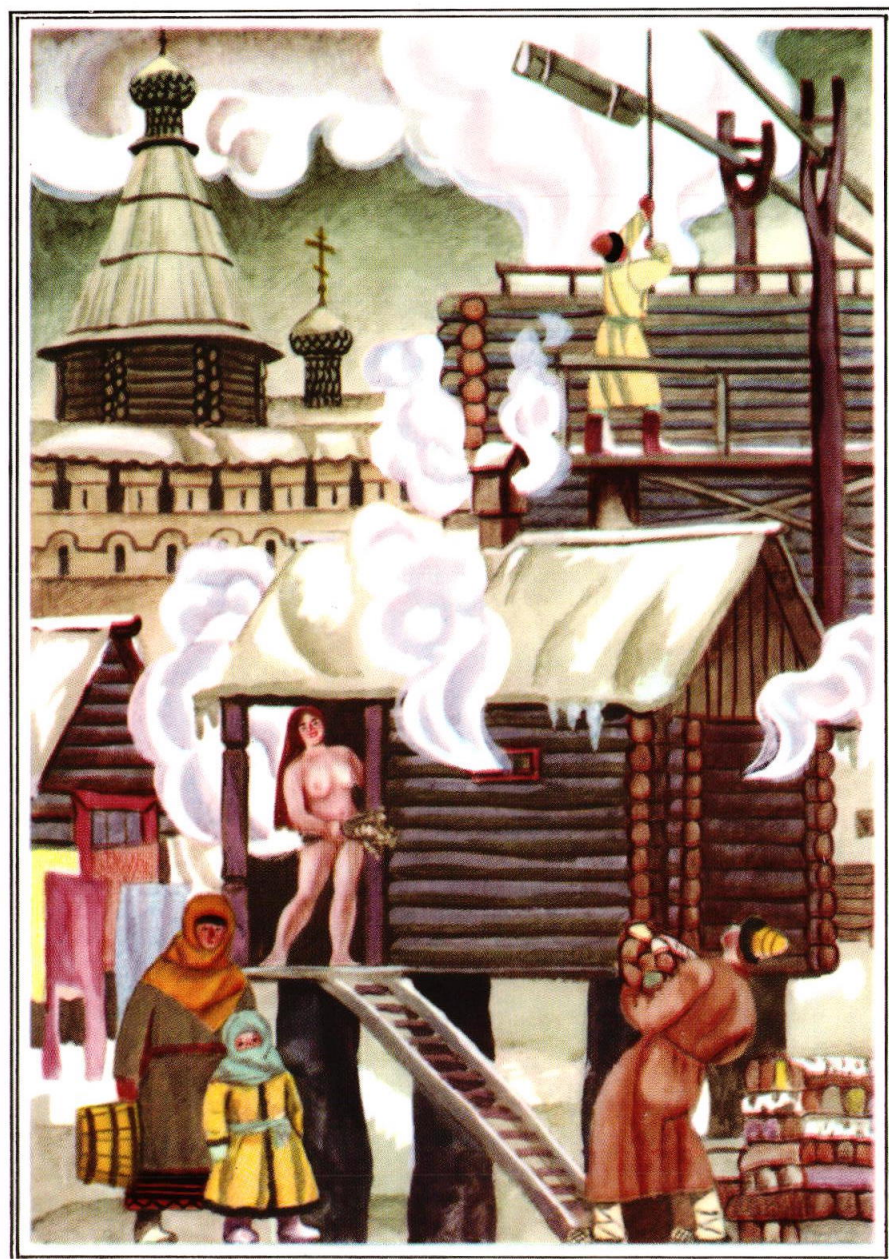
Пальба пальбою, а войско и конное и пешее держать все равно нужно. И не только где-нибудь на краю света в Курске и на засечной черте, но и в самой белокаменной. Воюют-то все время, то здесь брань идет, то там.

Не обходятся войны без сечи в чистом поле, а в битве хорошая броня так же важна, как сабля острая. Но не каждый мог купить себе на Бронной панцирь, вот и надевали тегиляй — длиннополый и толстый стеганный кафтан, обшитый бляхами. Коли доспехов нет, то и тегиляй пригодится.

Отбили от Москвы в 1591 году татар, и решил тогда Борис Годунов новые укрепления вокруг города поставить. За год опоясалась Москва деревянными стенами. Выросла крепость Скородом, или Деревянный город. В 1611 году сгорит Скородом, останется лишь земляной вал, его подсыпят, и снова встанет укрепление, и назовут его Земляным городом. Валы со временем сроют, разобьют на их месте сады, потом и сады исчезнут, останется название — Садовое кольцо. Но все это когда еще будет, пока Скородом стоит новешенький, у 34 его ворот всегда людно, особо, когда скоморохи представление показывать станут, тогда уж целая толпа сбежится посмотреть, послушать, на медведя ученого подивиться.

Испокон веку забавляли москвитов спектакли медвежьи, и простой люд на ярмарках тешили, и чинных бояр, и нищих у церквей. Не брезговал потехой и двор кремлевский. Сам грозный царь Иван Васильевич велел медведей собирать по всей земле себе на потеху. Отовсюду, даже из далекого Новгорода, шли в Москву подводы с седоками мохнатыми.

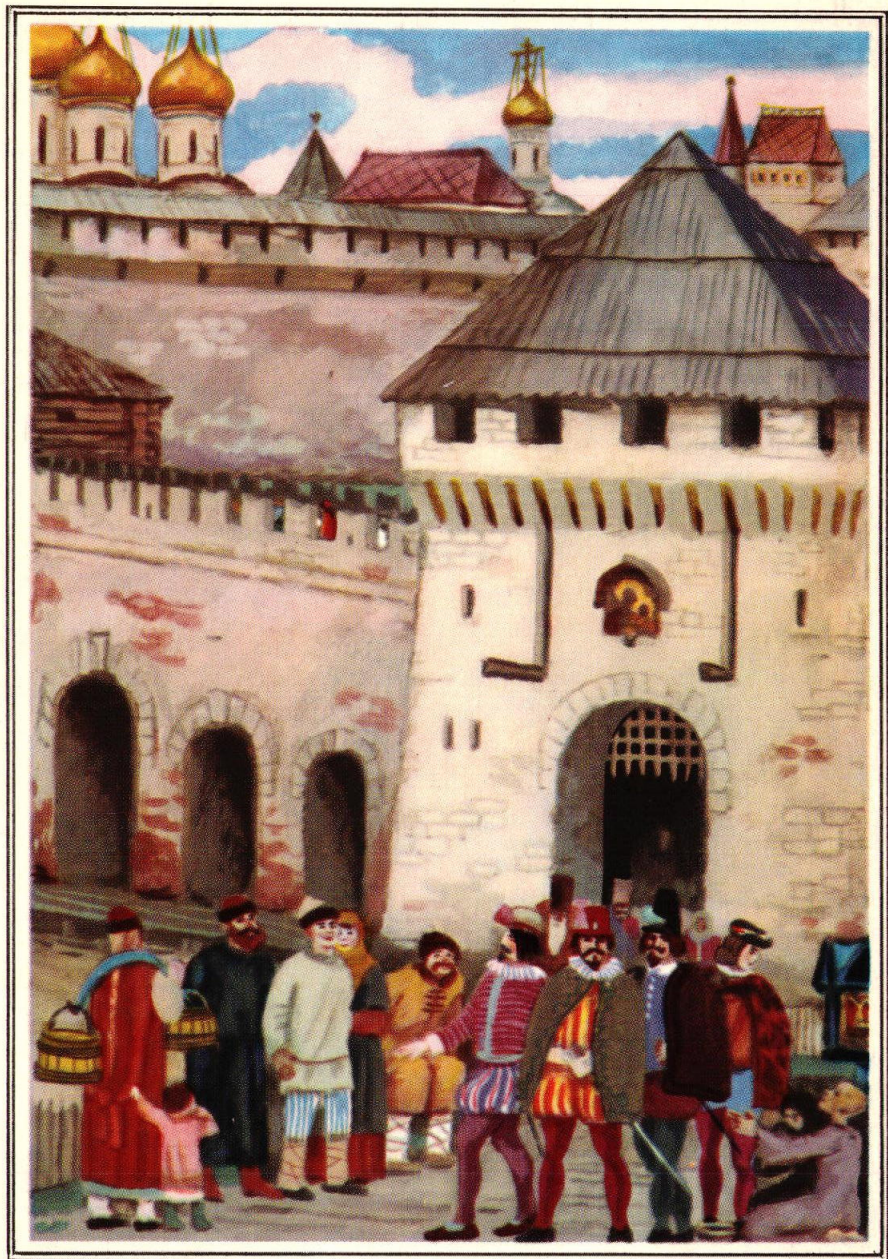
Есть и сейчас на Неглинной улице бани Сандуновские, но не о них пойдет речь, а о тех, что когда-то в XVI веке на реке Неглинной стояли, москвичей радовали. И бани-то были всамделишные. Воды из колодца натаскаешь, дровами березовыми камеленку докрасна натопишь да дашь бане выстояться, чтобы гарь вышла через прорезь в стенке бревенчатой. А закроешь заслонку — начнет сруб прогреваться, там и мыться можно. И чем жарче в бане, тем оно здоровее считалось. Веником помахивай да парься, тут тебе и удовольствие и польза. Выскочишь, как рак, красный на снег, а потом назад опростетью — зимы морозные были, трескучие. Любую хворь баней лечить советовали, иному и впрямь помогало. И здоровый парился, и хворый, и малый, и мужик и баба, и порознь и вместе, ибо нравы тогдашние это позволяли.

Ходили и раньше по Москве книги печатные, неведомо где и кем набранные, но отродясь не было у государя своей друкарни, до самого 1563 года не было, когда «благочестивый же царь повеле устроить дом от своея царские казны идеже печатному делу строиться». А через год уже «Апостол» свет увидел — первая на Руси книга. С той поры и повелось у нас книгопечатание, спасибо дякону Ивану Федорову и помощнику его Петру Мстиславцу.

Недолго простояла их типография, но дело печатное уже не заглохло, нужным стало. До Ивана Федорова ведь как с книгами обстояло: сидели писцы, перьями скрипели, тексты старые наново переписывали. Чуть зазевался писец — ан уже и ошибка, а ее потом другой перепишет и своих еще добавит. Темен смысл книжный становился. Да и дороги книги были, самое же главное, мало их, рукописных, всегда не хватало. Москва-то уже третьим Римом зовется, вон какая вымахала, народу не счесть, грамотных тоже хватает. Прочтет такой в книге духовной невесть что, и пойдет соблазн да ересь. А станок печатный не соврет, какую букву наберут, ту и печатает. И все книги одинаковые, без ошибок писцовых. Напечатал Федоров «Апостол» — у всех один «Апостол», напечатал «Часовник» — все по одному «Часовнику» читать учатся.

Палат, где был Печатный двор когда-то, теперь не найти, еще в 1810 году разобрали. А улица та осталась, 25 Октября сейчас называется.

Век XVI. Неказиста Кутафья башня, приземиста, да и зовется не ахти как, но ведь не обойтись было без нее, и не для красоты ее построили в конце XV века. Башня защищает мост через Неглинную, а за рекой — Троицкие ворота и Кремль, а в Кремле неприятелю делать нечего, а раз так — стоят и день и ночь в воротах и у бойниц часовые. Стоят, комаров отгоняют, низина-то болотистая, зацветает Неглинная, мелеет, всякой мошкаре раздолье. Но, несмотря на комаров, у Кутафьей всегда людно, с утра и до заката не смолкает там шум голосов. Вдруг пронесся по толпе хохот, побежали куда-то праздные зеваки с криком: «Фрыги, фрыги!» Ну, так и есть, идут иностранцы, как тут над ними не позубоскалить: и одеты бог знает как, и бороды носят не по-нашему, и что лопочут, не разберешь, смех, да и только.

С XVI века жили иноземцы своей слободой на Кокуе, но никак не смогли привыкнуть к ним москвичи.

Бедно ли жили москвичи, богато ли, в хоромах ли или в домишке бедном, кров им всем, и бедным и богатым, давала клеть. Клеть бревенчатая — строение немудреное, избой еще звалась, или истопкой. Чем больше у хозяина достаток, тем клеток в его доме больше. И горницы там с комнатами белыми, и сени, и комнаты черные, и переходы, и все это, вестимо, из дерева срублено. В комнате против дверей столярного дела угол передний с иконой. В углу том стол дубовый, красками расписан. Место, что под образами, — первое большое, туда во время трапез старший в семье садился. Вокруг стола лавки, с опушками, где-нибудь рядом поставец стоит, тоже красками расписан. Оконца маленькие не пузырем бычьим затянуты, как у бедноты, а слюдяные, прозрачные. Топят кое-где по старинке, по-черному, а есть уже и покои «белые», с печами ценинными, изразцовыми, и тепло с ними, и чисто. Живут в таких покоях бояре многоплотные в наслаждении и упитии, о временах старых, дедовских вспоминают, когда еще не поисшатались обычаи и головы на плечах крепче сидели. Не выручает в грозное царствование царя Ивана Богородица Казанская, никто в дне завтрашнем не уверен. Но если гроза пока не над тобой, можно и в шашки поиграть — удовольствие недорогое, в овощном ряду доска 10 копеек стоит, только и всего.

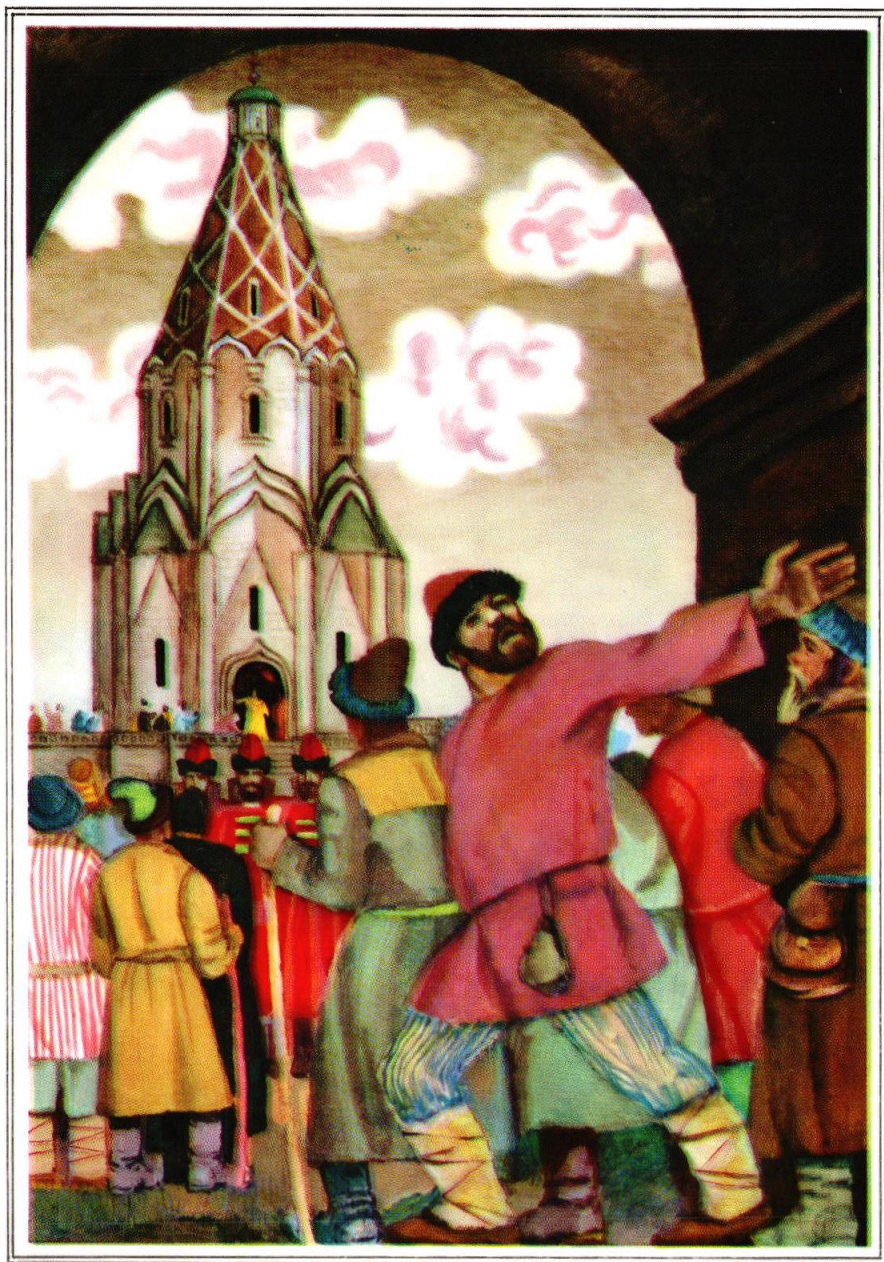
«1667 года мая 2-го в четверток, после столового кушанья за два часа до вечера, государь пошел с Москвы в Коломенское для окладывания своих государевых хором». В мае строение начали плотничий староста Сенька Петров и стрелец плотник Ивашко Михайлов, а к осени вчерне уж кончили. Осталось старцу Арсению резьбу навести да Ивану Кульпе, котельного дела мастеру, гребень медный сделать на крышу. В 1669 году расписали на хорах кровлю чешуйчатую деревянную зеленью, а живописцы пленили всех «предивною хитростью, пречудною красотою». Сам Симон Ушаков руку приложил, как тут красоте не быть. Удались хоромы царские на славу. А на воротах парадных, что к ним вели, львов поставили, хоть и неживых, да рыкающих:

Яко живши льви глас испущают,
Очеса движут, зияют устами,
Видится, хошут ходити ногами.

Двести семьдесят помещений было во дворце деревянном, резьбой и позолотой изукрашенном. Над рундуком верхним шатер, а в середине шатра орел двоеглавый, по кровлям коньки, а сами кровли бочками — затейливые. Блестели под солнцем окна слюдяные, покои освещали. Частенько гостил в хорах этих царь Алексей Михайлович и двор царский. Тешились в Коломенском охотой, в садах гуляли тенистых. Было «место зело весело и хорошо, видеть поля далече и видеть вся Москва, монастыри и на Москву-реку, под самым двором текущую». Любили цари село свое Коломенское, да быстротечна любовь царская. Сто лет только и простоял дворец, «восьмое чудо света», разобрали его в 1767 году за ветхостью и ненадобностью.

Задолго до рассвета заснеженными московскими переулками спешили в школу дети. Бежали по сугробам и малыши семилетние, а то и недоросли великовозрастные, лет по 15—16. Учиться в Москве допетровской начинали обычно с возраста нежного, лет с семи, а к девяти годам со школою прощались. На все воля родительская, могли и вовсе не пустить в школу, так в большинстве случаев и было. Ну а ежели заплатят родители священнику-учителю, то обучит он несмышлениша и азбуке, и псалтырю, и часослову, и апостолу. Все наизусть зазубривали, каждый отрок даже азбуку успевал осилить, но иного метода на Руси не знали. «Аз да увяз, да и не выбрахся» — гласила пословица. А кто азбуку превзойдет, тот и читать выучится по мудростям по букварным: «Не наступай на лицо сильного человека, да не впадеши в сеть яко ластовица в кохти ястребу». Отвечать же, урок зазубрив, полагалось на коленях стоя, и горе нерадивому, что в ответе спутается. Будут бить его глупого, «чтобы было и разумно, и больно, и страшно, и здорово».

Многое помнит старая церковь Вознесения в селе Коломенском. Построили ее в 1532 году при князе великом Василии, отце Ивана Грозного. Повидала церковь и царя Ивана с его опричниками, и государевых бояр, и крестьян восставших Болотникова.

Бунташным был век XVII. Много раз гудела мятежным набатом Москва. Ударил набат и утром 25 июля 1662 года, когда Медный бунт начался. Недород много лет кряду свирепствовал, с Польшей война шла, конца краю ей не видно было, от той войны поборы росли, а слободы разорялись. Ни хлеба не стало, ни денег. Думали, думали в Кремле бояре, как дела с казной поправить, и, наконец, порешили медную монету чеканить, а народ заставить принимать ее с серебряной наравне, дескать, «не металл, а царское имя дорого; оно дает ценность монете». Как порешили, так и сделали, на двадцать миллионов медяков начеканили. «Как Мамай по Руси прошел», плач и стон стоит, да слезами горю не поможешь, медяков у всех много, а купить нечего. Пухни с голоду. Вот и поднялись тогда москвичи, пошли толпой огромной в Коломенское, к царю, а Алексей Михайлович на службе в церкви Вознесения тогда стоял и молился. «Тишайший» был царь. Вышел он на паперть к восставшим, поговорили, письмо зачитал от народа, что ему Лучка Жидкий, человек посадский, вручил. Обещал многое толпе, били с ним по рукам, время шло, а из столицы войска спешили. Многих тогда поубивали на лугу перед церковью, а сколько в реке потонуло — не счесть. Деньги медные, правда, отменили все же.

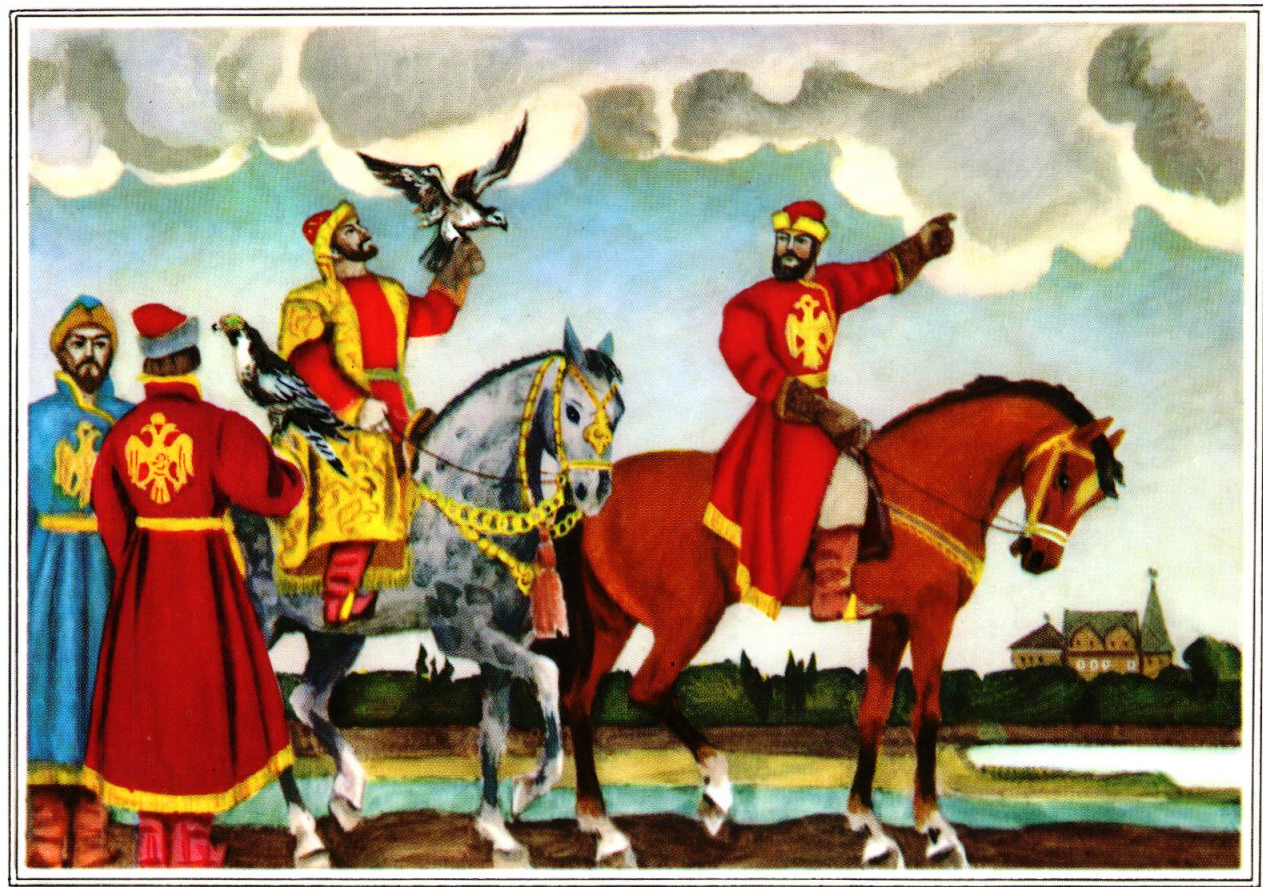

Век XVII. Быстро обстраивалась Москва, росла ну прямо на глазах. Недавно совсем и домика-то здесь не было, на пыльной Чертольской дороге, что шла перелесками и пустошами к Новодевичьему монастырю. Потом и здесь селиться стали, в виду Белого города, у стен, при царе Иване возведенных. Нагрянет враг, так успевали до ворот Чертольских с семьей добежать, спрятаться. Внутри города спокойнее, да уже не про всех там место есть. Было в Чертолье не только для живых место, свозили сюда и покойников, что на улицах найдут, чуть не со всей Москвы, хоть и боязно было селиться, да ко всему привыкают люди. Церковь построили Спаса Нерукотворного, улицу горбатую слезами замостили, рогатками на ночь закрывать стали, чтобы ночью зря по ней не шатались. Сами-то посадские, может, и без мостовой бы прожили, да Михайлович на богомолье частенько здесь ездил, улицу Пречистенской повелел назвать. Какой же она Пречистенской была бы, коли, как и встарь, кони по уши в грязь на ней проваливались? Вот и пришлось посадским платить мостовщину. Хороша стала улица, но облюбовали скоро это место семьи боярские, поставили себе палаты, по правую руку Салтыковы, по левую Голицыны. На века поставили, чтоб добрых триста лет простояли, только через триста лет уже улица не Пречистенкой, а Кропоткинской называться будет, и Спаса Нерукотворного не останется, сломают церковь потомки, школу на этом месте построят.

Век XVII. Служат на Москве стрельцы, целое войско, полков двадцать, не меньше. Живут по дворам со своими семьями слободами внутри Земляного города или по дворам на постое. Ремеслом занимаются, торговлей, но самое главное — служат и жалованье получают немалое: 10 рублей деньгами да ржи и овса по семи четвертей. Форму носят красивую, у каждого полка цвет особый. Ну и оружие у всех наготове — бердыши и ружья, сабли да пистолы. Есть и артиллерия, если воевать придется. Когда же нет войны, ходят стрельцы караулами по городу, следят за порядком при кабаках, около решеток, которыми улицы перекрываются, да на слободских съезжих дворах. Служба нелегкая, смотреть в оба приходится, особо, когда в Кремль на дежурство поставят: там ведь и сам царь живет, и патриарх, и бояре его наипервейшие.

А народ-то часто бунтует, в 1648 вся Москва поднялась, через 14 лет опять возмутилась, и опять царю без стрельцов не сдобровать бы. Смутный век, бунтарский, все от помещиков бегут, на Дон норовят, а как там Разин поднялся, так пол-России в огне было. Так что чаще не басурман бить стрельцам приходится, а своих же, посадских да мужиков бедных. А на своего и рука не всегда поднимается, да и стрельцы уж не те, что раньше. Вот стоят у церкви Всех святых в Зубове стрельцы, стоят переговариваются. А о чем, кто знает? Смута в умах большая, может, и не то, что надо, говорят. Не знают стрельцы, что новые придут времена и распустят их войско да порубит царь Петр Алексеевич непорочным буйны головы.

Нет теперь в Подмоскowie соколиной охоты, только Сокольники названием своим и напоминают нам о старой забаве.

А были годы, когда в селах Коломенском и Семеновском до трех тысяч ловчих птиц царской охоты содержалось, заботились о них десятки сокольников, кречетников да ястребников, среди же придворных чинов сокольников, который всем этим ведал, был лицом весьма важным, подчинялся ему целый приказ — сокольников. Не один век с соколами охотились на Руси, и не было у соколиной охоты большего почитателя, чем самодержец Алексей Михайлович. Любил он смолodu звериную травлю, да повстречался ему в звенигородских чащобах разъяренный медведь, и чудом спасся тогда царь. А с ловчими птицами куда спокойнее, хоть добыча и поскромнее: зайцы да кролики, утки да куропатки, и волка, впрочем, взять можно, если повезет. Едут охотиться верхами, птица сидит у ловца на руке, не на голый — без пальцев останешься, а в перчатке замшевой. Ноги у сокола в опутенках — ременных кольцах с ремешком, чтобы не улетел, а на голове до поры до времени клубочек — шапочка. Прибудут на место и снимут клубочек, освободят птицу, подкинут в воздух, и взвoveтся сокол вверх, с глаз долой. Тут уж что ему попадется, то и добычей будет. А в охотничьем домике в Сокольниках давно уже столы ломаются: не останутся без обеда охотники.

Когда цари еще в Москве жили и новых столиц не строили, при них в Кремле, во дворце Теремном, был «долгий ящик». Если у простолюдина нужда к царю появлялась великая, заказывал он писцу на площади прошение и опускал его в ящик. Ну а ответа подождать, конечно, приходилось; не любили спешить слуги царские, потому ящик долгим и звался. Терема царские с третьего этажа начинались и два этажа занимали. На четвертом — покои жилые, а на третьем — помещения служебные. Первые два этажа еще от старого белокаменного дворца сохранились, а верхние в 1635—1636 годах Бажен Огурцов с товарищами достроил. Совсем наверху стоит теремок, где царские дети играли, а вокруг гульбище. Наверх, к государю, немногие допускались, самые ближние к нему бояре и патриарх, конечно. Частенько возок его во дворе стоял. Зато на боярской площадке, что на уровне второго этажа, всегда людно было, толпились чины поменьше, распоряжений ожидали, а кто и назначения нового. А если человек вы совсем уж маленький, то делать вам здесь совсем нечего, общайтесь с царем через «долгий ящик».

«Тпру! Приехали наконец. Всехсвятский мост. Денежки готовы — не запла-
тишь — не проедешь». Роются в кошельке мужики у телеги, а стража — в их
поклаже, и не до видов им, что перед ними раскрываются. А посмотреть, право
же, было на что. Мост Всехсвятский большой, каменный, а перед ним башня с
двумя шатрами — укрепление предместное. Шатры для красоты, а башня на
всякий случай, за рекой не что-нибудь, а сам Кремль. В угловой башне кремлев-
ской, что к мосту всего ближе, машина стоит, воду наверх качает, отсюда и
название у башни — Водовзводная. В старину ее Свибловой звали. Справа от
Водовзводной Благовещенская башня, а с ней рядом ворота Портомоиные.
Выносят через них из Кремля на Москву-реку белье царское и всякое прочее,
там и полощут. Ниже по течению башня Тайницкая, а при ней стрельница отвод-
ная. А за стенами и башнями — монастыри древние, соборы и церкви богатые,
хоромы дивные — глаз не оторвать. Не надивятся приезжие их красоте и затей-
ливости, прочности и искусному изяществу, множеству окон и изукрашенным
узорами колоннам с каждой стороны. В 1654 году из Сирии сам Павел Алепп-
ский, в Москву попав, палатами ее новыми любовался, а он-то уж полсвета
объездил, всего насмотрелся.